

0-774610

На правах рукописи

Алексеев Сергей Васильевич

**КОРРУПЦИЯ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы»
(социологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Новочеркасск –2008

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)» на кафедре «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала)

Научный консультант:

доктор социологических наук, профессор **Бондаренко Ольга Васильевна**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор

Бороноев Асалхан Ользонович

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН

Дмитриев Анатолий Васильевич

доктор социологических наук, профессор

Мостовая Ирина Владимировна

Ведущая организация

**Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова**

Защита состоится «21» февраля 2009 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.304.10 по социологическим наукам при Южно-Российском государственном техническом университете (Новочеркасском политехническом институте) по адресу: 346438, г. Новочеркасск Ростовской области, ул. Просвещения, 132.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института) по адресу: 346438, г. Новочеркасск Ростовской области, ул. Просвещения, 132.

Автореферат разослан «10» января 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000525509

Ученый секретарь
диссертационного совета

Щербакова Л.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Развитие коррупции является одним из наиболее существенных деструктивных факторов системного характера, действующих в переходном обществе. Она существенно усложняет и экономическую, и социально-политическую модернизацию, обеспечивая приоритет частных интересов в управлении сложными процессами реконструкции общества, переподчиняя политическую волю государства узкогрупповым интересам меркантильных чиновников и всей своей практикой подрывая доверие простых граждан к власти. Ползучий сетевой характер распространения коррупции позволяет образно ассоциировать ее с раковой болезнью общества, которое смертельно разъедается и становится неконкурентоспособным. Согласно исследованиям Transparency International – организации, специально созданной для отслеживания международной коррупции и оценки прозрачности национальных экономик – Россия входит в четверку наиболее взяточемких стран мира наряду с Китаем, Индией и Бразилией, что, безусловно, подчеркивает актуальную остроту проблемы для отечественного обществознания. В мае 2006 года в своем Послании Федеральному собранию президент России В.В. Путин признал коррупцию одним из самых серьезных препятствий на пути развития страны¹. Несмотря на принятие различных профилактических, предупредительных и карательных мер, современная коррупция охватывает все новые и новые сферы общественной жизни. Коррупция сказывается, прежде всего, на политической устойчивости и экономической безопасности страны. Подрывая государство изнутри, коррупция создает реальную угрозу национальной безопасности.

Не случайно борьба с коррупцией стала одной из составляющих предвыборной кампании кандидата Медведева на пост главы государства. На Всероссийском гражданском форуме Д.А. Медведев объявил о том, что в случае прихода к власти он намерен добиться выработки национального плана борьбы с коррупцией. С первых же дней работы в Кремле преемник В.В. Путина на посту президента страны Дмитрий Медведев активно приступил к реализации своей предвыборной программы. 19.05.2008 эта работа вступила в решающую фазу. "Хватит ждать, - заявил Медведев, проводя соответствующее совещание в Крем-

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> [23.05.2006]

ле. - Коррупция превратилась в системную проблему, и этой системной проблеме мы обязаны противопоставить системный ответ".

В России уровень коррупции по-прежнему высокий. Медведев привел данные - в 2007 году возбуждено десять с половиной тысяч уголовных дел в этой сфере. "Но мы прекрасно понимаем, что это просто вершина айсберга", - усомнился в объективности официальной статистики глава государства. Оно и понятно - коррупция всегда носит скрытый характер, поэтому трудно поймать взяточника за руку. "Трудно найти, трудно расследовать и трудно привлечь к ответственности коррупционеров"¹.

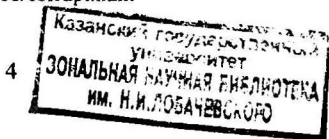
Дмитрий Медведев активизировал комплексную борьбу с коррупцией в России, подписав Указ от 19.05.2008 "О мерах по противодействию коррупции", и постановил образовать Совет при президенте РФ по противодействию коррупции, который сам и возглавил².

То, что коррупция выступает масштабным социальным явлением, а не простой совокупностью криминальных событий, следует из ее характерных форм и черт. Так, согласно Конвенции ООН против коррупции (A/RES/58/4), принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2003 г., к коррупции причисляют: подкуп национальных и иностранных публичных должностных лиц, администраторов международных организаций; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование ими имущества; злоупотребление служебным положением и влиянием в корыстных целях; незаконное обогащение; подкуп и хищение имущества в частном секторе. Подобные практики были бы бессмысленны или просто невозможны при качественной постановке внутреннего административного и внешнего общественного контроля, но в условиях институциональной дисфункции и монополизации бюрократией сферы общественного управления, что, безусловно, характерно для переходного российского общества, коррупционные практики процветают.

Значительные масштабы коррупции и ее всплеск в переходном обществе заставляют сформулировать проблему системной трансформации коррупции в условиях социально-политической и экономической модернизации. Г.А. Сатаров считает, что коррупция в переходных странах связана с возникновением «зазо-

¹ «Российская газета» – Федеральный выпуск № 4663 от 20 мая 2008 г.

² <http://www.newsru.com/russia/19may2008/corrupt.html>

ра» между новыми трансплантированными рыночными и демократическими институтами и старыми неформальными практиками социального взаимодействия¹. Соответственно, чем масштабнее институциональные реформы, тем более глубоки различия между «старыми» практиками и «новыми» правилами. Открывается простор для использования различных форм коррупционного взаимодействия. Таким образом, коррупция становится индикатором неэффективности институциональных реформ. Безусловно, следует выразить солидарность данной позиции, но вряд ли мы сможем «подписать под каждым словом» – и это принципиально. На наш взгляд, лишь отчасти можно согласиться с тем, что коррупция есть порождение «старых неформальных норм и практик», как выразился Г.А. Сатаров. Эти неформальные отношения, несомненно, тоже модернизируются и частично даже институционализируются, поскольку в противном случае у лиц, облеченных административной властью, просто не было бы *системных* возможностей «злоупотреблять» служебным положением. Помимо изучения конфликта между «новым» и «обновляющимся старым» (история коррупции в России насчитывает столетия) в институциональной системе современного общества, следует, на наш взгляд, пристальнее рассмотреть социальные причины коррупции и понять, почему именно эти отношения устойчиво поддерживаются всеми участниками при весьма толерантной при этом позиции общества и государства.

Степень научной разработанности проблемы. Коррупция относится к тем социальным явлениям, которые постоянно пребывают в центре внимания ученых, мыслителей, политиков, общественных деятелей. Поэтому сказать, что это слабоизученное явление нельзя. Еще Платон, Аристотель, Фукидид, Гоббс, Макиавелли высказывались по поводу коррупции, ее причин и социальных последствий. М. Вебер, рассматривая рациональную бюрократию как тип легитимного господства, не мог избежать оценки коррупции как функционального и приемлемого при определенных условиях явления. Российские исследователи проявили более или менее устойчивый интерес к изучению коррупции в конце XIX в. Прежде всего, шел поиск ее национальных корней. Такие ученые как А. Градовский, В. Евреинов, К. Кавелин, В. Ключевский, Н. Коркунов,

¹ Сатаров Г.А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 152.

Б. Чичерин, В.Н. Ширяев и другие подвергли анализу структуру и историю российского государственного управления и доказали, что без понимания истории становления и развития государства невозможно полноценное осмысление коррупции как актуального явления. Разработка методологии и техники социологического исследования в первой четверти XX века позволила применить социологический инструментарий к исследованию отдельных социально-профессиональных групп и выявить предпосылки злоупотреблений должностными полномочиями в дефектной организации труда и низкой материальной обеспеченности чиновничества (исследования М. Александрова, Е.И. Агюлама, Н. Бенедиктова, П.А. Берлина, Н. Рубакина и др.).

Советский период отмечен снижением теоретического интереса к коррупции на фоне становления мифологемы о ней как явлении, свойственном только «загнивающему капитализму». Изменение в конце XX века российской социальной и правовой реальности привело к тому, что коррупция вновь оказалась в центре внимания российских исследователей, и, прежде всего, в криминологическом аспекте. В работах таких авторов, как В.В. Агильдин, К.А. Волков, Р.Ф. Гараев, Г.С. Гончаренко, Ф. Гребенкин, А.И. Долгова, О.С. Капинус, А.П. Козлов, Н.Ф. Кузнецова, Н.И. Мельник, А.С. Михлин, Н.В. Селихов, Л.П. Турмакина, Н.Ф. Тяжкова, А.В. Шнитенков и других, рассмотрены вопросы определения понятия «преступление» и «коррупция», выявлены основные виды и механизмы коррупции с точки зрения правовых институтов, рассмотрены вопросы общественной опасности коррупционных преступлений, проанализировано антикоррупционное законодательство. Наиболее полно изучены такие виды коррупционных преступлений как взятка, коммерческий подкуп и другие. Причем, большинство исследователей приходит к выводу о необходимости дальнейшего развития криминологического подхода к анализу коррупции, во-первых, в связи с разработкой антикоррупционного законодательства, и, во-вторых, в связи с проблемами и трудностями выявления коррупции как уголовного преступления и привлечения к ответственности виновных лиц.

Очевидная неэффективность мер, предпринимаемых в отношении коррупции, заставляет ученых, политиков и просто граждан задуматься о сущности коррупции как социального явления. В ходе многочисленных публичных и закрытых обсуждений, в прессе и научных публикациях, политики и специалисты рассмотрели социальные, управленческие, криминальные и иные аспекты данно-

го явления, выходящие за рамки криминологического подхода. Так, В.В. Кривошеев доказывает, что коррупцию следует рассматривать как проявление криминализации российского общества в целом, П.Э. Жигонский связывает коррупцию с организованной преступностью и считает, что коррупция является одним из важнейших признаков этого феномена. Заслуживает внимания предложение С.В. Скурихина рассмотреть коррупцию с точки зрения теории общих систем. В случае реализации данного подхода коррупция может быть представлена как система, существующая наряду с системами другого рода – политическими, правовыми, криминальными, социальными, судебными, экономическими и т.д.

Среди исследований последних лет особенно выделяются работы Ю.А. Болдырева, С.В. Бондаренко, Б.В. Волженкина, Ю.В. Голика, В.В. Лунеева, В.И. Карасева, А.И. Кирпичникова, И.М. Клямкина, С.В. Максимова, Л.М. Тимофеева, Э.Н. Черного и др. Ю.В. Голик и В.И. Карасев развивают вариант междисциплинарного подхода к исследованию коррупции, дополняя криминологический, уголовно-правовой подход социально-философским исследованием коррупции как формы социальной девиации. Авторы доказывают, что в современном российском обществе коррупция из феноменальности отклоняющегося поведения отдельных чиновников превращается в криминальный образ жизни и принцип функционирования государства как социального института.

В фундаментальном научном исследовании С.В. Бондаренко рассмотрены вопросы воздействия коррупции на социальную и экономическую жизнь общества, выявлены причины и предпосылки коррупции, проведена классификация коррупционных деяний. Используя методологию системного анализа, привлекая обширный эмпирический и исторический материал, автор показал особенности функционирования коррумпированных обществ и предложил оригинальные модели использования информационных технологий в антикоррупционной деятельности общества и государства.

Особое место в исследовательской литературе занимает экономическое направление изучения коррупции, ведущее начало от работ Сьюзан Роуз-Аккерман. В рамках экономического подхода коррупция рассматривается как разновидность экономического поведения, целью которого является максимизация полезности, средством – извлечение непроизводительного дохода за счет манипуляции ресурсами, которые находятся в распоряжении должностных лиц в соответствии с должностными полномочиями. В рамках экономического подхо-

да поведение взяткодателя и взяткополучателя трактуется как рациональный расчет выгод и потерь. Соответственно, программы антикоррупционной борьбы предполагают создание ситуации снижения выгоды и увеличения риска потерь от участия в коррупционной сделке. Однако в коррумпированных обществах коррупционер не выступает рациональным изолированным индивидом. Его поведение определяется, прежде всего, давлением социальных сетей и габитуализацией коррупционных практик. Поэтому Г.А. Сатаров, президент фонда ИНДЕМ, обращает внимание на необходимость изучения социальных аспектов функционирования коррупции.

Современные социологические исследования, как правило, инициированы различными международными организациями. Они включают опросы общественного мнения по поводу коррупции, обосновывают выведение индексов коррупции и рейтинга коррумпированности в различных странах, а также содержат определенные попытки выявления социальных причин и особенностей коррупции. Отмечая соответствующее научное продвижение, нельзя, к сожалению, сделать вывод о каких-то существенных достижениях в построении частной теории коррупции. Поэтому заслуживает особого внимания научная позиция Г.А. Сатарова, который настаивает на необходимости становления нового научного направления социологии коррупции. Главным теоретико-методологическим направлением ее исследования в России он считает изучение «взаимодействия между новыми институтами и старыми неформальными нормами и практиками»¹. Тем не менее, сегодня в исследованиях этого явления фактически доминируют криминологические подходы, хотя появляются и монографии о национальной специфике коррупции, изучаются ее экономические аспекты и используются средства математического моделирования (выделим работы таких авторов, как М.И. Левин, В.М. Полтерович, М.Л. Царик). Масштабные исследования коррупции как системного социального явления, обусловленного состоянием ценностно-нормативной и институциональной подсистем переходного российского общества, отсутствуют. Данное исследование представляет собой попытку использования социологического подхода, который позволяет за отдельными фактами коррупции видеть социальные практики и социальные сети, связать в одно целое по-

¹ См.: Сатаров Г.А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 152; www.indem.ru.

ведение людей и организованных систем, и тем самым делатентизировать коррупцию, создать эффективную систему профилактики и борьбы с ней.

Основной целью данного диссертационного исследования является анализ российской коррупции как системного социального явления, обусловленного состоянием ценностно-нормативной и институциональной подсистем переходного российского общества.

Реализация обозначенной цели требует решения следующих задач:

1. Сопоставить возможности и обозначить теоретические горизонты криминологического и социологического подходов к изучению коррупции, выделить направления социологического анализа коррупции.
2. Выявить доминирующих субъектов коррупционной деятельности и рассмотреть их социальные характеристики.
3. Охарактеризовать виды коррупции, обусловленные социальными характеристиками доминирующих субъектов коррупции.
4. Рассмотреть структуру социальных связей в коррумпированных системах, выявить специфику «вертикальных» и «горизонтальных» связей коррумпированных субъектов.
5. Выявить и сравнить модели социального поведения различных типов коррумпированных субъектов.
6. Рассмотреть характер и способы, мотивационную и ценностную обусловленность социальной поддержки коррупции.
7. Рассмотреть процессы институционализации коррупции в переходном российском обществе, обосновать изменение характера социальных практик и определить причины легитимации коррупции.
8. Выявить и обосновать основные направления формирования социальной системы противодействия коррупции.

Объект исследования – переходное российское общество и коррупция в нем как системное социальное явление.

Предметом исследования являются коррупционные взаимодействия субъектов политических, административных, экономических отношений, процессы производства и воспроизводства коррумпированных систем в условиях переходного российского общества.

Методология Э. Дюркгейма, одного из основателей социологии преступности, адаптирована автором исследования к социологическому анализу феномена современной коррупции. Методологические следствия из концепции

Э. Дюркгейма: 1) коррупция как преступление – дисфункция социальной системы; 2) борьба полицейскими методами с коррупцией бессмысленна; 3) коррупция как социальное явление – часть культуры населения.

Постоянно подчеркивая необходимость формирования социологии коррупции как наукоемкого и практикоориентированного направления современной социологической теории, мы должны согласиться с Г.А. Сатаровым, что социология коррупции еще не сформировалась как самостоятельная отрасль социального знания. Поэтому ее выводы пока ещё затруднительно использовать в качестве **теоретико-методологического фундамента** диссертационного исследования. Тем не менее, в работах самого Г.А. Сатарева содержатся важнейшие методологические положения о необходимости разграничения моделей социального поведения, как взяточполучателей, так и взятокдателей; о важнейшей социально-легитимирующей функции бытовой коррупции; о кардинальных различиях фоновой коррупции экономически развитых западных стран и в коррумпированных обществах с элементами традиционализма.

Исследования международного агентства Transparency International связаны с оценкой уровня коррумпированности различных стран. С.В. Бондаренко, сопоставив типичные черты стран с высоким и низким уровнями коррупции, пришел к выводу о качественном различии этих стран и обосновал существование «коррумпированных обществ», отличающихся особыми чертами и законами функционирования. Концепт «коррумпированных обществ» приобретает важнейшее методологическое значение для оценки состояния и перспектив коррупции в России, поскольку теоретическая интерпретация трансформации российского общества потребовала выхода за рамки концепции переходности в линейной перспективе, в соответствии с которой коррумпированность предстает либо как начальный пункт развития, либо как свойство состояния переходности. Концепции качественного своеобразия модернизационных процессов позволяют оценить коррупционность как качественное состояние, обусловленное особенностями ценностно-нормативной и институциональной подсистем российского общества.

На наш взгляд, применение в данной работе историко-генетического подхода, сочетание актуального осмысления и исторической ретроспективы социального явления позволяют выявить истоки коррупционных явлений, обосновать закономерности трансформации коррупционных практик и оценить трансформационный потенциал различных программ противодействия коррупции.

Системный подход дал возможность автору рассмотреть коррупционную систему не только как иерархизированную структуру, включающую разные уровни, сферы, но и как автономную систему, взаимодействующую с другими социальными системами. Некоторые аспекты воспроизводства коррупционных систем рассмотрены нами с использованием основных положений и теоретических концептов П. Бурдьё, В.И. Ильина, Ю.Л. Качанова, Н.А. Шматко и др.

Теоретико-методологической основой диссертации также выступают основные положения теории элит, групп интересов, теории власти, социальной легитимации, теории социального взаимодействия, институциональный подход, сетевой анализ, теории глобализации, теории организации и управления, теории аномии и социальной девиации.

Эмпирической базой для авторских оценок и обобщений выступают результаты масштабных социологических опросов, проведенных Региональным общественным фондом «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ), Исследовательским холдингом «РОМИР Мониторинг» в рамках проекта по исследованию коррупции, реализованного Фондом ИНДЕМ, общероссийских опросов ВЦИОМ, основанных на репрезентативной выборке в 1600 человек в 39 регионах России, исследований Института социологии Российской академии наук совместно с Представительством Фонда им. Ф. Эберта (Германия) в РФ, Института комплексных социальных исследований Российской академии наук. Кроме многочисленных репрезентативных опросов, автор использовал некоторые результаты журналистских расследований в качестве иллюстративного материала или источника постановки проблемы.

Новизна исследования состоит в следующем:

- обоснованы эвристические преимущества социологического анализа коррупции;
- рассмотрены особенности бюрократии как доминирующего субъекта коррупционных практик, выявлены условия и факторы трансформации бюрократического социального отношения в коррупционное;
- выявлены причины коррупционной девиации профессионального сознания государственного служащего;
- рассмотрена структура социальных связей в коррумпированных системах, выявлена специфика «вертикальных» и «горизонтальных» связей коррумпированных субъектов;

- коррупционная система представлена как иерархизированная социальная сеть, включающая разные уровни и сферы, субъектное ядро и периферию;
- выделены типы коррупционных субъектов по отношению к управляющей системе (инсайдеры и аутсайдеры коррупции);
- рассмотрены процедуры инкорпорации в коррумпированные системы в зависимости от типа коррумпированного субъекта;
- дано объяснение процесса воспроизводства коррумпированных систем через процедуры замещения коррумпированных субъектов, раскрыты социальные механизмы коррупционной ротации;
- доказана необходимость разработки антикоррупционной политики как создания социальной системы противодействия коррупции, обозначены основные направления формирования этой системы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Криминологический подход к изучению коррупции предполагает четкое обозначение ее контуров как преступного феномена и выявление ее структуры как преступного акта. Антикоррупционная деятельность в соответствии с ним ориентируется, прежде всего, на пресечение коррупции по «факту» коррупционного деяния. Однако большинство проявлений коррупции ускользает от криминологического анализа, поскольку контуры коррупции как социального явления намного шире. Латентный характер коррупции препятствует обнаружению и регистрации ее по факту преступления. Существование коррупционной сети внутри легальной административно-управленческой структуры затрудняет как саму квалификацию преступного деяния, так и определение его истинных субъектов. Преодолеть ограниченность криминологического анализа возможно на базе развития социологического подхода, способного выявлять коррупционные социальные практики, а не только фиксировать «случаи» или «деяния», видеть коррупционные сети за фигурами отдельных «взяточников», связывать в одно целое поведение людей и организованных систем, и тем самым делатентизировать коррупцию.

2. Социологический подход к пониманию сути коррупции обнаруживает более широкие горизонты ее научного анализа и позволяет перейти от рассмотрения частных преступных практик к описанию коррупции как масштабной, интегрированной и социально опасной системы. Методология перехода сводится к поэтапному последовательному воссозданию следующих моделей коррупции:

1) как типа индивидуального поведения должностных лиц, 2) как совокупности социальных практик, складывающихся в определенном общественном сегменте, опирающихся на определенный набор социальных представлений, ценностных ориентаций и формирующих коррупцию как нормативную модель поведения, 3) как свойства социальной системы управления, 4) как особого типа социальной системы, существующий параллельно системе легального государственного управления.

3. Как системное социальное явление коррупция есть производное деятельности особого социального субъекта – бюрократии. Бюрократическое отношение, порожаемое принципом разделения на управляющих и управляемых, и основанное на отчуждении личных целей управляющих от целей социальной системы и подмене всеобщих интересов частными интересами управляющих, по своей природе содержит возможность коррупционирования. Но для того, чтобы возможность превратилась в действительность необходимо: 1) воздействие определенных социальных факторов, таких как криминализация общества, экономизация и маркетизация общественных отношений и общественного сознания, нестабильность политического устройства, отсутствие эффективных механизмов политического и социального контроля; 2) формирование соответствующей психологической структуры – системы диспозиций, выражающих индивидуальную готовность бюрократа к коррупционному поведению.

4. Социальные характеристики и типология бюрократии коррелируют с выделением западного и восточного типов коррупции. Для рациональной западной бюрократии коррупция выступает рациональной формой решения экономических проблем, для иррациональной восточной – стилем жизни и традиционной формой делового взаимодействия. Для западной бюрократии наиболее распространенными инструментальными формами коррупционного взаимодействия выступает взятка и коммерческий подкуп. Коррупционный стиль иррациональной бюрократии порождает многообразие форм коррупционных преступлений и приспособливает демократические практики к реализации частных интересов. Таким образом, коррумпированность бюрократии не следует оценивать только в категориях дисфункции и деформации. За стилем коррупционной деятельности и поведения, за спецификой коррупционных социальных связей необходимо видеть состояние ценностно-нормативной и институциональной подсистем общества.

5. Системность коррупции определяется, прежде всего, ее структурой и характером социальных связей. Коррупционные связи в коррумпированных системах далеко не произвольны, они привязываются к тем местам социального пространства, где происходит локализация финансовых ресурсов, и образуются пучки распорядительных функций. Таким образом, важнейшей задачей становится реконструкция распорядительно-функционального контура власти и пространства циркуляции основных социально-экономических ресурсов.

6. Внутренняя устойчивость коррупционной системы подкрепляется за счет довольно жестких внутренних связей ее элементов, создания тесных отношений личной взаимосвязи и круговой поруки чиновников, продающих собственные административные возможности. Участники коррупционного взаимодействия объединены: во-первых, экономической зависимостью, корыстными интересами; во-вторых, политической зависимостью, общими интересами в обладании ресурсами реальной власти; в-третьих, криминальной зависимостью, поскольку взяточничество и подкуп квалифицируются как криминальные деяния для всех субъектов коррупционного взаимодействия; в-четвертых, особыми ценностями, взглядами на власть, на принадлежность государственных ресурсов, на социальный успех и т.д.

7. Коррупционной системе присуща внутренняя устойчивость, в первую очередь за счет иерархизации, выделения уровней коррупционных связей. Горизонтальные связи аппарата госуправления, бизнеса, криминалитета реализуются на каждом уровне иерархии как формы неустойчивого партнерского взаимодействия, переходящего по возможности к «стратегиям захвата». Кроме стратегий «захвата государства» и «захвата бизнеса», реализуемых чиновниками и предпринимателями, следует выделить стратегии захватов, реализуемых криминалитетом. Таким образом, происходит трансформация системы горизонтальных «партнерских связей» в вертикальные системы доминирования и коррупционного контроля. В системе вертикальных коррупционных связей присутствуют две цепочки – перераспределительная и покровительства, причем патронирование коррупционных практик довольно распространенное явление и условие существования коррупции как системного явления.

8. Системность коррупции определяется не только тесными отношениями личной взаимосвязи и круговой поруки чиновников, продающих собственные административные возможности, но и особенностями управленческой системы,

предоставляющей чиновникам и гражданам возможность вовлечения в коррупционные системы и создающей способы и механизмы инкорпорирования в эти системы. Способы инкорпорирования различаются в зависимости от типа коррумпированного субъекта, выделяемого по отношению к структурному ядру коррупции – формальным структурам государственного управления. Процесс инкорпорирования в коррупционные системы включает, по меньшей мере, два этапа: 1) занятие функционально-ролевой позиции в коррупционной системе; 2) инкорпорация посредством конституирования социальных связей (коррупционных «связок») и культурно-стилевая инкорпорация.

9. Одним из универсальных свойств социальных систем выступает постоянное воспроизводство базовых элементов структуры. Каждый элемент (субъект) в структуре коррупционных связей, теряя партнера в результате успешной антикриминальной деятельности правоохранительных органов, не просто воспроизводит прежнюю схему коррупционных отношений с новым партнером, но и привлекает все большее их количество, мультиплицируя эту девиантную социальную практику, переводя в схему коррупционной игры как можно большее число своих партнеров. Основу механизма коррупционной ротации составляют: объективный процесс функционирования социальной системы, производящей социальные позиции коррупционеров, формирование механизмов персонификации, замещения данных позиций, трансформация социально-политической элиты, поставляющей кадры для замещения «вакантных» социальных позиций в коррумпированной системе.

10. Ценностно-мотивационную основу автогенерирования коррумпированных систем составляют три парадоксально сосуществующие в современном российском социальном пространстве модели: коррупция как реликт советской экономики дефицита; психология взятки, укорененная в системе традиционных отношений одаривания; практика взятки как новая прагматичная рыночная рациональность современной российской действительности.

11. История российской коррупции насчитывает не одно столетие. Современный период отличается особым всплеском коррупционных практик и превращением коррупции в системную проблему российского общества. Причина, очевидно, связана с переживаемым Россией состоянием переходности. Однако полностью согласиться с тем, что коррупция в современном российском обществе есть исключительно порождение старых неформальных норм и практик

не представляется правильным, поскольку старые неформальные отношения, несомненно, тоже модернизируются и частично даже институционализируются, в противном случае у лиц, облеченных административной властью, просто не было бы *системных* возможностей «злоупотреблять» служебным положением. Состояние переходности, противоречивый результат модернизации институциональной и ценностно-нормативной подсистем российского общества, не порождает коррупционные практики, а только актуализирует их, способствует их частичной институционализации. Агрессивность коррупционной системы проявляется в ее институциональной экспансии. Обладая силой внутренней устойчивости, коррупция порождает в переходном обществе искаженные механизмы социального регулирования, трансформирует содержание права и морали, подменяет основные цели государственного управления, искажает пути экономического развития. Таким образом, коррупция из частной преступной практики превращается в системную социальную проблему.

12. Системообразующим основанием антикоррупционной политики в условиях переходного общества должно стать совершенствование механизмов социальной регуляции и развитие механизмов социального контроля. Основными направлениями этого процесса выступают совершенствование процедур государственного управления и формирование правовой культуры населения. Совершенствование механизмов государственного управления осуществляется на основе административной реформы, ориентированной на переход от косных, бюрократических к современным методам государственного управления на основе концепции «нового государственного менеджмента» и четких процедур внутриинституционального контроля, предполагающих усиление властной вертикали, формирование демократических механизмов, обеспечивающих информационную прозрачность государственного управления и развитие этических компонентов поведения государственных служащих.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Результаты и выводы настоящего исследования расширяют научные представления о характере и направленности социальной трансформации (модернизации) переходного российского общества. Основные результаты могут быть использованы для решения теоретических и практических проблем реформирования российского общества, разработки социальных программ и направлений антикоррупционной политики.

Материалы исследования могут быть использованы при чтении курсов по социологии, политологии, социальной философии, экономической социологии.

Апробация результатов диссертационной работы. Диссертация обсуждалась и рекомендована к защите на заседании кафедры «Гуманитарные и социальные науки» ШИ(ф) ЮРГТУ(НПИ). Основные положения диссертационного исследования изложены автором в 24 публикациях, общим объемом более 53 п.л., в том числе в 7-ми изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования РФ, в трех монографиях. Ряд положений исследования были доложены на научных конференциях, III Всероссийском социологическом конгрессе. Кроме того, полученные выводы и предложения были направлены в межведомственную рабочую группу по подготовке национального плана по борьбе с коррупцией, а также в прокуратуру и ГУВД Ростовской области.

Структура диссертации включает введение, шесть глав, восемнадцать параграфов, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КОРРУПЦИИ. ВЫДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Первая глава носит теоретико-методологический характер, поскольку решается задача определения основного подхода к изучению коррупции.

1.1. Коррупция как форма преступности: криминологический аспект. Автор начинает исследование с рассмотрения особенностей криминологического подхода как наиболее разработанного в научной литературе. С криминологической точки зрения преступным является реально совершенное деяние (действие или бездействие), запрещенное действующим уголовным законодательством. Поэтому криминологическая оценка коррупции требует четкого ее определения и законодательного закрепления. Законодательное определение коррупции позволит расширить возможности органов правопорядка и перевести борьбу с коррупцией на качественно новый уровень. И хотя российский законодатель предпринимал неоднократные попытки определить коррупцию и обозначить меры ответственности за действия, с ней связанные, тем не менее, антикоррупционное законодательство не разработано и борьба с коррупцией не обеспечена нормативно-правовыми актами в полной мере.

Препятствием в работе законодателя выступает многообразие трактовок коррупции в уголовно-правовой теории. Поэтому задачей криминологического подхода является выработка предельно четкого определения коррупции, конкретное обозначение ее контуров как преступного явления и описание структуры преступного коррупционного акта. Анализ литературных источников позволил установить, что в основу криминологического анализа коррупции могут быть положены следующие признаки коррупции: 1. Коррупция – это результат совместной деятельности должностных и иных лиц. 2. Коррупция предполагает использование должностным лицом возможностей, представляемых занимаемой должностью. 3. Коррупция приносит всем участникам выгоды материального и нематериального характера от их действия или бездействия. 4. Коррупция не связывается исключительно с взяткой, а предполагает более широкую трактовку – «предоставление материальных и иных выгод».

Однако криминологический подход не в состоянии определить коррупцию как комплексное социальное явление, поскольку акцентирует внимание на отдельном преступном деянии, в то время как коррупция, как правило, представлена пролонгированным действием. Кроме указанных в законодательстве должностных лиц, потенциально выступающих в качестве субъектов коррупции, существует множество других лиц, в той или иной степени способных активно в ней участвовать. Коррупция охватывает не только чиновничество, но и негосударственную сферу, включая социальные, политические, экономические отношения.

Принципиальная ограниченность криминологического подхода заключается в следующем: во-первых, коррупция носит скрытый характер и редко становится предметом судебного разбирательства, теневой характер коррупционных связей затрудняет техническую процедуру фиксации и возможность юридического пресечения подобной активности; во-вторых, коррупция не сводится к взяточничеству (и вообще к набору уголовных преступлений), поскольку лоббизм, протекционизм, создание различных «целевых фондов», предоставление льгот, переход государственных чиновников на высокооплачиваемую работу в коммерческие структуры и т.п. также нередко являются формами коррупции; в-третьих, трудность правовой борьбы с коррупцией заключается в том, что зачастую законодатели, которые должны принимать законы о борьбе с коррупцией, на самом деле противодействуют этому.

1.2. Социальный генезис коррупции, история возникновения, общественная обусловленность. Предпринятый в данном параграфе исторический обзор коррупции и борьбы с ней позволил установить, что: во-первых, отдельные проявления коррупции известны издревле, указания на них присутствуют в документах мировой и российской истории; во-вторых, история демонстрирует очевидную связь коррупции с системой государственного управления; в-третьих, коррупция в государстве присутствует всегда, но ее масштабы колеблются, увеличиваясь в периоды общественных трансформаций, на почве неустойчивости ситуации, ослабления социального контроля и состояния аномии общества.

Таким образом, историко-генетический анализ коррупции показывает ее социальную обусловленность: коррупция является актуальной практикой любого государства во все времена и эпохи, влияющей на изменения социальных форм, практик, масштабов. Поэтому исследовательские усилия следует сосредоточить на проблеме ее социального генезиса как масштабного социального явления, а не на криминальных практиках отдельных индивидуумов.

Перебросить мост от криминологического к социологическому анализу коррупции, выявить основные шаги ее социального генезиса позволяют исследования Эмиля Дюркгейма в области социологии преступности. Из концепции Дюркгейма вытекают следующие необходимые методологические следствия. Во-первых, коррупция как преступление представляет собой не патологию индивидуального поведения участников коррупционной сделки, а дисфункцию социальной системы, сбой нормативной сферы общества. Коррупцию как системное социальное явление характеризует поиск норм, способных сгладить шероховатости и преодолеть неэффективность системы социального управления и правовой системы. В социально-динамическом ракурсе коррупционное поведение можно рассматривать как инновационную деятельность, поиск новых нормативных оснований социально-управленческих взаимодействий. Во-вторых, если преступление габитуализировано как норма, то борьба с этим явлением исключительно полицейскими методами совершенно бессмысленна. Должны использоваться другие, более комплексные подходы, тем более что это явление подрывает социальную безопасность. В аномичном обществе, равнодушно воспринимающем любые преступления, коррупция, как раковая опухоль, способна разрушить здоровую социальную ткань и уничтожить общество.

Таким образом, социологический подход к пониманию сути коррупции обнаруживает более широкие горизонты ее анализа. Коррупция как социальное явление представляет собой не только особый вид криминальных действий, но и часть культуры населения, а также отражает состояние дисфункции социальной системы в целом и системы административного управления. То есть ее социальный генезис связан с дисфункцией государственного управления, с неэффективностью деятельности бюрократии в отсутствие должного гражданского, а также иного (административного, правового, финансового, информационного) контроля. Следовательно, в коррупционных взаимодействиях подвергаются деформации отношения внутригосударственные, управленческие. Происходит искажение самого субъекта системы управления – государственные служащие превращаются в особый корпоративный социальный слой, направляющий полученные им управленческие полномочия не на организацию функционирования системы, а на собственное автономное существование («нерациональная» бюрократия). Формирование такого автономного субъекта является основой выделения коррупции как самостоятельного типа социальной системы. Таким образом, из частной преступной практики коррупция вырастает в системную социальную проблему.

1.3. Национальная специфика современной коррупции: сравнительный анализ. Социальная обусловленность коррупции проявляется, прежде всего, в том, что это явление имеет специфические национальные черты. Считается, что Россия – это страна, социально, исторически и ментально предрасположенная к коррупции. Соответственно, национальная специфика российской коррупции видится в глубочайшей укорененности взяточничества в социальной системе, российской истории и национальном менталитете. Однако без серьезных научных исследований нельзя однозначно утверждать, что коррупция – базовая черта российского социума.

В международных исследованиях индексов коррумпированности установлено, что коррумпированная «компания» России – страны восточные и развивающиеся, республики бывшего СССР. Развитые страны обладают высоким индексом, что говорит о низкой степени коррупции в стране. Отсюда обычно делается вывод об особенностях национального менталитета восточных стран. Например, китайский рынок является политико-экономической системой, в которой государство аккумулирует и контролирует основные стратегические ресур-

сы, владеет большинством крупных предприятий, может в значительной мере контролировать и предопределять судьбу частных предприятий не только через механизмы реализации определенной экономической политики, но и посредством прямых предписаний. В этих условиях предпосылкой делового успеха становятся личные связи с работниками и руководителями правительственных учреждений. Общественное мнение довольно терпимо к проявлениям коррупции, которую до недавнего времени даже в официальных изданиях называли мягко – «неверный стиль». Сети личных, родственных и дружеских связей закрепляют параллельное государственному регулированию решение бизнес-проблем.

Считается, что российское сознание довольно близко восточному стилю, поэтому опыт борьбы с коррупцией восточных стран более чем полезен для России. Действительно, существует различие в типах коррупции, коррупционного поведения «восточных» и «западных» чиновников. Культурная антропология, исследования в области социально-культурной компаративистики показали, что Восток и Запад – это два разных типа социального устройства и духовной жизни, институциональная теория зафиксировала противоположность Востока и Запада в различии двух базовых институциональных матриц. Но, сравнивая культурно-исторические особенности российского национального менталитета относительно осознания границы допустимого, можно обнаружить существенные различия как с восточной, так и западной цивилизацией, заметные отклонения не только от восточных нормативных моделей, но и от западной правовой культуры, в сочетании с дуализмом норм и противоречиями отношений.

Россия обнаруживает противоречивую установку к коррупционным практикам на всех уровнях (принятие и отторжение, одобрение и осуждение). Это противоречие можно вывести, прежде всего, из другого базового противоречия российского национального сознания – чрезмерного почтения к государственной власти в сочетании с неуважением к закону. В отличие от западного сознания, отношение россиян к государству никогда не было инструментальным. Русской традиции близко понимание государства как некоей самостоятельной силы по отношению к человеку, как высшего общечеловеческого и даже божественного начала. Лояльность к власти проявляется как в терпимости к ней, так и в чинопочитании. Но продолжением такого иррационального отношения является отчуждение между обществом и властью, доходящее до «государствофобии».

истоки подлинной, рациональной бюрократии в довольно простых формах патриархального управления. Новейшая история показала большее многообразие бюрократических типов в рамках веберовской дихотомии «рациональная – нерациональная» бюрократия и продемонстрировала нелинейность их развития. Советская «иррациональная» бюрократия отличалась от «иррациональной» царской. Современная российская бюрократия не стала рациональной европейской бюрократией, но, несмотря на известную преемственность персонального состава, не является слепком бюрократии советской. Тем не менее, всем этим типам свойственны специфические черты бюрократии, отличающие ее от всех других социальных слоев и групп: бюрократия теснейшим образом связана с организацией государственной власти в обществе, ее единство закрепляется построением четкой статусно-ролевой иерархии, единообразным толкованием административных норм, внутренней плановностью деятельности, особой групповой психологией. Ссылаясь на ряд современных исследований, можно утверждать, что государственные служащие действительно являются обособленной привилегированной группой российского общества, специфика интересов которой заключается в сохранении и постоянном увеличении своего влияния, власти, укреплении собственного экономического положения, часто в ущерб «объекту» бюрократического управления, что, безусловно, провоцирует, при отсутствии иных социальных регуляторов, обращение к коррупционным практикам как «нормальным» стратегиям делового поведения.

2.2. Факторы формирования и формы коррупционных социальных связей. Для того чтобы возможность коррупционного поведения, заложенная в сути бюрократического отношения, превратилась в действительность, необходимо воздействие определенных социальных факторов. Одним из мощнейших факторов коррупционирования бюрократических отношений выступает криминализация общественных отношений в целом, что проявляется в расширении поля преступных практик, вовлечении в них все большего количества людей, криминальном переструктурировании общества и криминализации общественного сознания, формировании параллельных официальным структур («теневая юстиция»).

Эскалация коррупции коррелирует с ростом корыстной преступности во всем мире, а не только в трансформирующейся России. Полагаем, что воздействие экономических факторов много глубже, и связано с процессами экономизации и маркетизации современного общества, что проявляется в прагматизации

всех сфер социально-политической жизни и доминировании балансового подхода, калькуляции выгод в осуществлении любой социальной деятельности. В отличие от многих социальных сфер, в которых рыночная трансформация согласно логике маркетинга осуществляется вполне легально, хотя и не без этических проблем, государственное управление не подлежит легальной приватизации. Государственный чиновник может производить «символическую прибавочную стоимость» лишь в форме коррупционных практик. Осуществление политической и государственно-управленческой деятельности по рыночным законам, с учетом баланса спроса и предложения, закономерно ведет к становлению такого специфического рынка, как рынок коррупционных услуг. Экономизация и маркетинг социального пространства определяет своекорыстие в качестве универсального мотива социальной деятельности, который на фоне девальвации нравственных ценностей, резкого снижения духовно-нравственного потенциала, правового беспредела, беззакония и безответственности ведет к утверждению неправовых практик. При отсутствии эффективного политического механизма, позволяющего отрешаться от власти государственных и муниципальных служащих, скомпрометировавших себя коррупционными деяниями, коррупция постоянно воспроизводится в государственных структурах.

Способ организации и функционирования политической сферы может стать фактором, провоцирующим коррупционные практики. В современном мире доминирует тенденция к ослаблению государства, при одновременном расширении сфер государственного участия (вмешательства). Государство выступает крупнейшим заказчиком, крупнейшим работодателем. Через государственные структуры перетекает огромное количество ресурсов, денежных средств. Выступая гарантом социальной защиты, государство финансирует множество социальных программ. В то же время сама власть и сфера принятия политических решений оказываются ареной борьбы узкоэгоистических группировок. В результате дееспособность государственных институтов оказывается ослабленной, эффективность правовых механизмов существенно сниженной.

Коррупция как социальное явление скрытна и чрезвычайно разнообразна в проявлениях. Исследователи даже различают такие планы коррупции, как этические отклонения и собственно правонарушения. Реализация социологического подхода к коррупции предполагает преодоление взгляда на коррупцию как некоторый факт, изолированное социально-криминальное деяние. Определение кор-

рупционных практик как комплексного социального явления позволяет объединять их в целостные системы взаимодействий, которые не представляются коррупционными при изолированном рассмотрении. Так, например практики обогащения в первые годы реформ выглядели как предпринимательское использование объективно сложившейся инфляционной ситуации, в то время как без реального участия информационного и административного бюрократического ресурса в незаконном обогащении отдельных предпринимателей не обошлось. Завуалированными формами коррупции, особенно в переходных обществах, может стать лоббизм, фаворитизм, протекционизм и т.д.

2.3. Психология коррупционера: причины девиации профессионального сознания. Трансформация бюрократического отношения в коррупционное на уровне индивидуальных практик требует формирования особых социально-психологических диспозиций, определяющих индивидуальную психологическую готовность к коррупционным практикам, к нарушению законов и правил государственной службы.

В отличие от идеально-типической характеристики государственного служащего ключевой характеристикой госслужащего-коррупционера, взяточника является готовность нарушить закон и корысть как доминирующий мотив криминального поступка. Корыстолюбие как моральное качество характеризует поведение и мотивы человека, который все свои поступки оценивает с точки зрения материальной выгоды. Корысть – универсальный мотив поведения коррупционера. «Цели обогащения», «цели наживы» преследовали продажные чиновники во все времена. Но характер и способ, каким эти цели вписаны в общую диспозиционную систему, исторически изменчив и социально определен. Динамичное, активное современное общество регулируется универсальной нормативной моделью мотивации деятельности – стремлением к успеху. Власть, деньги, собственность выступают инструментом и мерилем успеха. Дискурсивные практики современного общества способствуют превращению успеха в доминирующую общественную ценность, закреплению его на высшем уровне диспозиционной структуры личности в качестве имплицитной программы действия субъекта.

Дискурс успеха довольно противоречив, поэтому способен разжигать страсти к его достижению. Прежде всего, успех преподносится массам как результат рациональной стратегии. С другой стороны, считается что успех – это простое везение, благоприятное стечение обстоятельств, шанс. Таким образом «мистиче-

ская» природа успеха вполне сочетается с технологиями увеличения шансов. Вероятность успеха может повышаться путем постоянной комбинации благоприятных факторов. Самый простой способ этой комбинаторики – активный поиск этих факторов методом проб и ошибок, изменение занятий, места жительства, референтных групп и т.д. Такой интенсивный перебор вариантов достижения успеха предполагает формирование определенных социально-психологических качеств: духовная эластичность, отсутствие привязанности к социальным общностям, маргинальность.

Стремление к успеху, взятое изолировано от социальных условий его реализации, не является безнравственным идеалом. Оно может порождать страсть к высококласной профессиональной работе, к высокому уровню материальной обеспеченности, к богатству, желание стать мастером своего дела, побеждающим прочих в конкурентной борьбе. Но для победы, для достижения успеха требуется наличие уникальных способностей, опыта и компетентности, умения из числа возможных альтернатив и комбинаций выбирать единственно верное решение и оптимальные средства достижения цели. Оптимальные средства не всегда легитимны и социально одобряемы. При отсутствии уникальных способностей, опыта и компетентности, индивид будет более склонен к выбору нелегитимных средств. Причем, не только предприниматели, но и другие социальные группы формируют стратегии достижения успеха, основанные на использовании любых доступных, в том числе и неправовых, средств. Но если преступник из социальных низов, не обладающий никакими легитимными ресурсами для социального продвижения, готов включиться в криминальную гонку за успехом, начиная с минимальной ставки, то чиновник включается в эти практики, осознавая риск своих потерь. Поэтому большое значение имеют социально-психологические факторы подкрепления корыстной мотивации и «разогрева» жажды успеха. Такими факторами в современном обществе становится психология потребления.

Особенно в силу ряда обстоятельств подвергается искушению российская элита. Элита обладает более широким информационным горизонтом, большими возможностями для манипулирования экономическими ресурсами и более высоким уровнем притязаний. Можно сказать, что на включение российской элиты в коррупционные практики существенное влияние оказывает такое низменное чувство как зависть, поскольку объективно российская элита беднее правящей

элиты на Западе и поэтому ощущает себя обделенной. Усиленное насаждение индивидуализма, стандартов образа жизни западного общества, культивирование психологии успеха при разрушении нормативной модели связей «индивид–общество» провоцируют включение представителей элиты в нелегитимные и делинквентные практики, превращая коррупцию в распространенную, социально и психологически приемлемую стратегию жизненного успеха в современном рыночном обществе.

Глава III. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В КОРРУПТИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ

Социологический анализ коррупции как системного явления включает не только исследование характеристик коррупционных субъектов, но также и анализ системной связи этих субъектов. Только таким образом можно понять системную природу коррупции в социологическом смысле и объяснить, почему это деструктивное явление продолжает воспроизводиться на всех уровнях государственного управления.

3.1. Феномен «круговой поруки» коррупционеров. Анализ фактов борьбы с коррупцией в разные исторические периоды показал бессилие правоохранительных органов в попытках пресечь противозаконную деятельность государственных служащих. Даже там, где коррупционное преступление удалось зарегистрировать, раскрыть и довести до суда, наказания коррупционерам назначались настолько мягкие, что говорить о социальной профилактике коррупции и социальном контроле не представлялось возможным.

Причины солидарного поведения коррупционеров можно искать в единстве целей коррумпированных субъектов, в их общем экономическом интересе. Коррупционеры всех уровней ищут выгоды от вводимых государством ограничений. В данной ситуации их связь с контрагентами, прежде всего, функциональная. Возможно, в основе конституирования коррупционных систем лежат «интересы» субъектов коррупции, понимаемые шире, чем просто «материальная выгода» – корпоративные интересы. Однако замкнутость коррупционной системы отличается от корпоративной закрытости, хотя в обоих случаях наблюдается определенная функциональная солидарность участников. Во-первых, коррупция, даже превратившись в систему, остается преступной формой социальной девиации. Корпоративные структуры, хотя и представляют собой закрытые системы,

функционируют легально, и о принадлежности корпорации можно заявить открыто. Во-вторых, социальные связи, определяемые корпоративностью, носят обезличенный характер, в то время как коррупционное взаимодействие, как правило, персонифицировано. В-третьих, основу функционально успешного взаимодействия определяет отношение доверия, как «ожидание несомненного соответствия» (Г. Гарфинкель). Но корпоративное доверие носит обезличенный институциональный характер. В коррупционных же системах доверие представляет собой базовое персонифицированное отношение.

Совокупность норм, регулирующих связи коррупционных субъектов, по своему содержанию намного ближе «круговой поруке» преступного сообщества. Персонификация отношений, формирование круга «своих», недоверие к «чужаками» и норма «молчания», более суровая ответственность перед «своими» являются механизмом, обеспечивающим высокую латентность, скрытность характера коррупционных отношений, закрытость, замкнутость коррупционной системы.

3.2. Специфика «вертикальных» и «горизонтальных» связей коррумпированных субъектов. Экономический анализ коррупции опирается в основном на агентскую модель, в соответствии с которой коррупционный акт рассматривается как взаимодействие «принципала», «агента» и «клиента». В определенных исследовательских горизонтах данная модель работает вполне эффективно, поскольку ее определения лаконичны, емки и удобны в применении. Однако эти определения описывают коррупционные действия, а не саму коррупцию как сложное социальное явление. Тем не менее, данная модель интересна тем, что в ней содержится матрица связей коррупционных субъектов: отношения принципала и агента организуются по вертикали, в то время как агент и клиент связаны горизонтальными, часто партнерскими отношениями. В коррумпированных системах социальные связи коррупционных субъектов не могут ограничиваться вертикалью «принципал-агент» и горизонталью «агент-клиент». Они более сложно структурированы, в отличие от представленных в экономической агентской модели.

В коррумпированной системе социальные связи иерархизированы, распределены по уровням – это «верхушечная» государственная коррупция и «низовая», или «бытовая», коррупция. Горизонтальные связи реализуются также на каждом из уровней аппарата госуправления, бизнеса, криминалитета. Подробно

Предприниматель, не полагаясь на случайное согласие чиновника, будет искать способы установления устойчивой коррупционной связи, формирование которой сопряжено с процедурами инкорпорирования в коррупционную систему. Исследования показывают, что в настоящее время наиболее неэффективными с точки зрения успешности бизнеса оказываются стратегии избегания взяток, в то время как наибольшего успеха добиваются предприниматели, реализующие коррупционные стратегии.

Для субъектов-инсайдеров, как минимум, необходимо занять формальную должностную позицию. В определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам. В качестве формальной инкорпорации в коррупционные системы может выступать покупка должности. Факт покупки должности часто означает функциональную готовность к коррупционным взаимодействиям.

Занятие должности как функционально-ролевой позиции не означает обязательного допуска в коррупционную систему. Функционально-ролевая позиция должна быть подкреплена конструированием широкой системы неформальных социальных связей. Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственный круг. Не столько функциональностью, сколько социальностью объясняется устойчивость кадрового состава коррупционных сетей. Происходит формирование коррупционных «связок» – солидарностей архаического типа. Инкорпорация человека в такую солидарность гарантирует участникам защиту и социальное продвижение за счет всей коррупционной «связки». Социальные связи («связки») в коррупционных системах дифференцированы в зависимости от уровня коррупции: «верхушечная» государственная и «низовая» бытовая коррупции формируют собственные связи, которые, как правило, редко пересекаются, и поддерживаются на символическом уровне общностью стиля жизни, стиля поведения.

4.2. Коррупционная ротация. Основу механизма коррупционной ротации, на взгляд автора, составляют следующие социальные процессы: 1. Объективный процесс функционирования социальной системы, производящей социальные позиции коррупционеров. 2. Формирование механизмов персонификации, замеще-

ния данных позиций. 3. Трансформация социально-политической элиты, постав-
ляющей кадры для замещения социальных позиций.

На примере ЖКХ и правоохранительной деятельности показано, как в процессе функционирования социальной системы, постоянно воспроизводятся устойчивые схемы коррупционной деятельности и закрепляются в социоструктурных образованиях, социальных позициях коррупционеров. Социальная позиция, будучи результатом функционирования социального поля, получает объективное существование, независимое от производящих ее деятелей и поэтому впоследствии может быть занята другим индивидом. Коррупционная система не только производит коррупционные позиции, но и формирует механизмы воспроизводства и замещения коррумпированных субъектов. Такими механизмами являются, во-первых, особенности кадрового воспроизводства власти, позволяющие обеспечить приход во власть любого необходимого коррупционной системе человека, и, во-вторых, качество российской элиты, поставляющей коррупционным системам потенциально совместимых с ней людей.

Социально-политический опыт и исследования ученых подтверждают, что в России используются механизмы покупки места во властных структурах для «своего» человека. В отличие от ситуации помощи чиновнику в продвижении его карьеры, речь идет о своеобразном инвестировании предпринимательскими структурами и организованными преступными сообществами в политику. Для законодательной власти механизмом ротации выступает теневое финансирование выборов. Для чиновников исполнительной власти существуют другие механизмы коррупционной ротации (кадровый резерв, выдвижение, отбор, аттестация). Но при этом коррупционная система власти сопротивляется установлению прозрачных механизмов кадрового замещения, чем облегчает процедуры коррупционной ротации.

Среди множества черт и характеристик современной российской элиты выделим две, имеющие отношение к реализации механизма коррупционной ротации, – ее криминализацию и ее стратегическую бессубъектность. О криминальности российской элиты можно судить по количеству возбужденных в отношении ее представителей уголовных дел. Но статистики по социально-структурным показателям, к сожалению, не ведется. Косвенно криминальность элиты выражается в ее «профессиональных» преступлениях – злоупотребления

полномочиями в органах государственной службы. По этим преступлениям отмечается рост абсолютных и относительных показателей.

Криминологическое состояние современной российской элиты характеризуется как ее «криминализация». Это означает, что совершение преступлений превращается в способ существования, в повседневные практики, направленные на усиление позиций элиты в обществе. Криминализация элиты – важнейший фактор роста криминальности всего общества и препятствие в борьбе с преступностью. Как известно, сложность управляющей подсистемы должна соответствовать сложности управляемого объекта. Поэтому, если политическая элита, образующая управляющую подсистему общества, сама криминализована, то об эффективной борьбе с преступностью не может быть и речи. И наоборот, позитивные перемены в управляющей подсистеме при минимальных затратах могут выполнить роль решающего звена, позволяющего существенно ограничить преступность.

Преобладание корыстной преступности среди криминальных практик российской элиты, постоянная готовность к включению в коррупционные схемы трансформирует основную функцию элит – влиять на принятие стратегически важных решений. Отсутствие связи с интересами развития страны свидетельствует о такой особенности российской элиты, как ее стратегическая бессубъектность (О.В. Гаман-Голутвина). У российской элиты отсутствует собственный стратегический (и даже тактический) проект реализации целей и интересов *российской* элиты и российского государства, отсутствует политическая воля для конституирования такого проекта и его реализации. Раздвоенность российской элиты проявляется не только в приверженности политическому авторитаризму и экономическому либерализму, но и в том, что, будучи политическим субъектом, российская элита, как и российское общество в целом, обладает такой чертой, как «государствофобия» (Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина), усиленно теневизируя собственные экономические практики. Ключевой чертой социальных слоев, чья функция заключается в принятии стратегических социальных решений, становится моральная амбивалентность.

Наше исследование позволяет уточнить базовые положения программы антикоррупционных мер в направлении трансформации механизма кадрового воспроизводства власти, усиления общественного и государственного контроля за ходом избирательных кампаний и кадровой ротацией административной вла-

сти, привнесения этической составляющей государственной службы. Вопросы качества российской элиты выходят за рамки антикоррупционных программ и требуют изменения политической системы общества, развития реальной много-субъектности российской политики, формирования многообразных демократических институтов.

4.3. Социальная поддержка коррупции: мотивационная и ценностная обусловленность. Трудно предположить, что такое социальное явление, как российская коррупция, может приобрести столь внушительный размах без широкой социальной поддержки, без опоры на ценностно-мотивационную основу поведения широких масс. Анализ публицистических и информационных материалов в прессе, на телевидении, результаты социологических исследований показывают, что многие россияне сталкиваются с необходимостью давать взятку в самых разных жизненных ситуациях. Считается, что не только желание чиновников брать взятки, но и готовность простых россиян их давать проявляет «формулу российской самобытности». Исследованиями фонда ИНДЕМ установлено, что спрос на коррупцию, т.е. доля случаев, когда средний гражданин готов дать взятку, оказавшись в коррупционной ситуации, значительно превышает риск коррупции - интенсивность коррупционного давления власти на граждан (вымогательство взятки).

Можно сформулировать, по крайней мере, три модели, объясняющие готовность россиян к реализации коррупционных взаимодействий в различных сферах получения государственных услуг: 1) коррупция – это реликт советской экономики дефицита; 2) психология взятки укорена в модели традиционных отношений одаривания; 3) взятка есть новая рыночная рациональность современной российской действительности.

Первая объяснительная модель перекликается с революционной риторикой периода военного коммунизма и нэпа. В те времена утверждали, что взятка – это пережиток капитализма, который неизбежно исчезнет по мере продвижения страны к социализму и коммунизму. Современные российские политики и некоторые социологи высказывались о взятке как порочной практике времен развитого социализма, считали взятку порождением экономики дефицита. Непосредственное вовлечение в коррупционные взаимодействия под давлением дефицитности ресурсов, превращение этих практик в повседневные, формируют ценностную приемлемость коррупции, превращают ее в личную проблему и неотъем-

лемую составляющую образа жизни советских людей периода развитого социализма. Данный образ жизни включал такую составляющую как «блат» – приобретение товаров «по знакомству». Отсутствие легальных путей удовлетворения бытовой потребности снимало нравственные сомнения взяткодателя и искателя «блата».

Укорененность ценностно-мотивационных структур психологии взяткодателей в традиционных отношениях рассмотрена на основе исследований Г.А. Сатарова. В современном государстве гражданин и должностное лицо должны быть связаны отношением услуги: чиновник помогает гражданину реализовать обещанные государством права. Коррупция представляет собой редукцию отношения услуги к другому типу социального взаимодействия, более комфортному для многих россиян – отношениям одаривания.

Однако сведение социальной обусловленности коррупционного взаимодействия исключительно к психологической комфортности означает заведомое сужение спектра социальных мотиваций. Известно, что социальный смысл отношений дарения – в укреплении социальной ткани. Укрепление социальных взаимосвязей происходит потому, что отношения дарения накладывают на участников взаимодействия неформальные обязательства «платить по счетам», т.е. обязательства к взаимному одариванию. Отношения дарения требуют активной ментальной деятельности участников взаимодействия, направленной друг на друга, поскольку в отличие от определенных отношений рыночного обмена или услуги, отношения дара довольно неопределенны и зависят от социально-культурного контекста. Смысл дара не провозглашается и не сопровождается требованиями, но правильно декодируется участниками взаимодействия. Трансформация коррупционных взаимодействий в социальные отношения дарения, а не рыночного обмена, позволяет простым россиянам не только реализовать прагматические вопросы, но и создавать более устойчивые социальные конструкции – опору жизненной траектории, для снижения риска отношений рыночного обмена, превращая неопределенные деперсонифицированные рыночные отношения в определенные персонифицированные. Одаривание можно рассматривать как способ управления своей жизнью в силу пролонгированной возвратности даров. Конструируя с помощью даров менее рискованное жизненное пространство, индивид управляет своей жизнью. Особенно актуально это для переходных обществ, «обществ риска».

В-третьих, стремление решить проблемы, отобрав наиболее выигрышные стратегии, составляет основу рационального рыночного поведения.

Понимая разлагающую, архаическую природу коррупции и разделяя ценности рыночного общества, молодые предприниматели, тем не менее, не пренебрегают подобным способом решения жизненных и деловых проблем. Выросшие из отрицания социалистического прошлого, молодые, образованные россияне, как правило, представители частного бизнеса выступают активным агентом воспроизводства коррупционных отношений. Кратчайший путь к успеху не всегда бывает социально одобряемым, правовым, нравственным. До тех пор, пока коррупционные стратегии будут более эффективными и менее накладными, рациональный выбор российских предпринимателей будет совершаться не в пользу легальных рыночных ценностей.

Рассмотренные в данном разделе три ценностно-мотивационные модели обусловленности коррупционного поведения сосуществуют в российском социальном пространстве, формируя различные системы социальной поддержки коррупции. Следствием парадоксальности российского сознания (Ж.Т. Тощенко) становится одновременная представленность различных ценностных систем в сознании отдельного человека, что затрудняет исследование мотивов индивидуального коррупционного поведения и осложняет разработку государственной стратегии борьбы с коррупцией.

Глава V. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОРРУПЦИИ КАК СИСТЕМНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Формирование стабильных коррумпированных сегментов общества, в которых политическая сила государства фактически переподчиняется узкогрупповым интересам меркантильных чиновников, во многом объясняется институционализацией коррупции в переходном российском обществе. Состояние институционального пространства переходного общества не только порождает коррупцию и создает условия ее социальной легитимации, но и способствует расширению поля институциональных коррупционных практик.

5.1. Трансформация системы институтов и моделирование социальных практик периода модернизации. Результатом реализации стратегии социально-экономических реформ явилось формирование коррупциогенной модели переходной институциональной структуры, характерной чертой которой является

наличие двух типов несовместимых институтов – рыночных и нерыночных, административных. Разнообразие несовместимых институтов, теневое «удвоение» социальных институтов провоцировали коррупционный выбор несовпадающих типов транзакций. Несовместимость институтов поддерживалась состоянием нормативно-правовой системы российского общества реформационного десятилетия (неустойчивость, динамизм норм, сосуществование правовых актов, имеющих различную институциональную природу, возникновение «пробелов» законодательного регулирования) и институционально-системной деформацией управленческих структур (нереализуемость и неисполняемость решений).

Наибольшая несовместимость возникает между институтом частной собственности и правовой системой, которая в ряде случаев не только не защищает право частной собственности от административного произвола, но и сама в своем функционировании зависит от госструктур и чиновников. Данная форма несовместимости институтов коррупционна в своей сущности: аналитически фиксируемая несовместимость успешно преодолевается на уровне реальных коррупционных практик. Собственник прибегает к административной протекции за неимением возможности добиться защиты в суде или в правовом поле, обменивая реальные денежные знаки на выгодные административные решения. Коррупция была реальным фактором становления частной собственности в ходе реформ, именно коррупционные практики способствовали закреплению несовместимости институтов. Коррупциогенность институциональной структуры переходного российского общества состоит не только, и не столько в наличии старых норм, сколько в институционализации адаптационных практик, опосредующих институциональные противоречия и институциональную несовместимость.

5.2. Условия социальной легитимации коррупции. Согласно законам самоорганизации институциональной структуры, встраиваются в общественную жизнь и продолжают успешно функционировать только те институты, которые соответствуют культуре и типу общества, иначе они отвергаются как неадекватные и социально неприемлемые. Механизм встраивания института в институциональную структуру включает понимание населением этого института, признание его норм и правил, а также готовность им следовать.

Как правило, россияне, сталкиваясь с коррупционной ситуацией, безошибочно определяют ее как таковую. Процедура определения ситуации, по мнению Х. Абельса, чрезвычайно интересна для рассмотрения с социологических пози-

ций. Известный афоризм У. Томаса гласит: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям»¹. Механизм определения ситуации представлен в концепции символического интеракционизма: в социальном взаимодействии любое действующее лицо, участвующее в определении ситуации, неким образом выражает свое понимание и показывает своим поведением собственную модель толкования ситуации. Другие участники взаимодействия интерпретируют его поведение, при этом постепенно создается общее определение ситуации. Так, вступая во взаимодействие с должностным лицом, россияне, как правило, определяют ситуацию как коррупционную, демонстрируя не только возросшую осведомленность об атрибутах коррупционного взаимодействия, но и попытки самостоятельного успешного декодирования смысла коррупционного сообщения. По данным социологического исследования фонда ИНДЕМ, доля лиц, которым заранее была ясна величина взятки, стоимость подарка, которые надо дать чиновнику в 2005 г., составила почти 70 %. Совсем не ясна величина взятки была только 8,1 %². Причем россияне демонстрируют поразительную осведомленность о деталях коррупционного взаимодействия, несмотря на отраслевые различия.

С особенностями властных взаимодействий связано становление советско-российских социокультурных кодов коррупции. Специфичными следует считать асимметричный характер прав, привилегий и обязанностей власти и тотальное отчуждение российского народа от власти. Данные особенности выступают условиями социальной легитимации коррупции постольку, поскольку они не только являются результатом искажения системы властных взаимодействий, но и «нормализуют» это искажение, способствуют кодификации системы коррупционных взаимодействий.

Тоталитарный контроль над важнейшими ресурсами общества, централизованное планирование ограничивают способы жизнеобеспечения граждан, снимая с них внутреннюю моральную ответственность. Там, где нет пространства легальной экономической свободы и многообразия легальных способов решения проблем жизнеобеспечения, индивид пытается найти люфт в нормативно-правовой системе, воспользоваться в собственных интересах существующими в

¹ Абельс Х. Интеракция. Идентичность. Презентация. СПб., 2000. С. 48–49.

² Коррупция в России как болезнь и теневой рынок // Власть. 2005. № 9. С. 58.

ней лазейками. Оправдывая собственное поведение, человек формирует особый тип утилитаризма, допускающий коррупцию как способ решения житейских проблем. Этот тип утилитаризма подменяет ценность «универсально-всеобщего дела» на «указания начальства».

Анализ социальных практик показывает, что стандарты социально приемлемого неэтического поведения включали взаимодействия граждан с властью, в то время как неофициальный уровень взаимодействий между людьми все же преимущественно регулировался нормами абсолютной морали, в которой существовали не трансформированные никакими социальными факторами принципы «не укради», «не убий» и т.д. Власть, не способная организовать тотальный контроль, оставляет только то, что для нее принципиально: контроль лояльности. Разрешая гражданам нарушение норм в ходе элементарного жизнеобеспечения, власть требовала лояльности к самой власти, во всем остальном допускалось взаимное игнорирование – «негативный компромисс» (А.Н. Олейник).

Коррупция прочно вошла в символический универсум российского общества и нашла обоснование в следующих схемах:

1) коррупция безнаказанна – публикации, сообщения о взятках, о нецелевом использовании бюджетных средств, о получении роскошных подарков и т.д., будирующие общественное мнение, практически никогда не заканчиваются сведениями о наказании взяточника;

2) коррупция в России неискоренима – это расхожая идея всех должностных лиц, ответственных за борьбу с коррупцией, она регулярно озвучивается в публичных дискуссиях и действует как аффирмация;

3) коррупция в России имеет системную природу – публичное обсуждение нормативно-правовых новаций всегда содержит указание на более чем вероятное увеличение взяток в случае применения нормы обсуждаемого закона.

5.3. Институциональная экспансия коррупции. Проблему, с которой столкнулось российское общество в ходе модернизации, можно обозначить как институциональную экспансию коррупции. Она включает три взаимосвязанных процесса – интенсификацию коррупционных взаимодействий, расширение поля коррупционных практик и собственно институционализацию коррупции.

Особенно широкое поле коррупционных практик разворачивается в период социально-экономических трансформаций, приобретая свою специфику в обществе постсоветского типа. Чрезвычайно значимой становится коррупция

при продаже государственных активов, в ходе приватизации государственных предприятий. Зависимость всей экономической системы трансформирующейся России от государства и государственного бюджета порождает ширококомасштабные коррупционные практики, не известные в мире. Завершение основной приватизации, институциональной реформы и создание новых рыночных институтов привели к стабилизации основных форм коррупционной деятельности. Так, везде в мире одним из важнейших путей коррупционного обогащения для бюрократии являются государственные расходы и в первую очередь государственные закупки. Среди других областей, наиболее взяточемких в рыночной экономике, можно назвать сферу определения налоговых льгот, добычу и торговлю сырьевыми ресурсами по ценам ниже рыночных, назначение на ответственные посты в органах власти, торговлю информационными ресурсами и т.д.

Как показывают исследования, коррупция не ограничена только сферой государственного управления. Мздоимство, лихоимство, злостное вымогательство происходят и в общественных организациях, таких как профсоюзы, благотворительные организации, творческие коллективы и др., и в частных коммерческих предприятиях. Там, где руководители могут использовать свою власть при заключении контрактов, найме новых работников, надзоре за подчинёнными и т.д., возникают возможности организации коррупционных практик с целью получения личной выгоды, несмотря на экономический ущерб владельцам или акционерам компании.

Широкое распространение коррупции выступает условием ее институционализации. Институционализация коррупции – это закрепление коррупционных практик в тех или иных организационно устойчивых формах. Об устойчивости можно говорить в том случае, если данные практики признаются всеми участниками данной деятельности и транслируются следующим поколениям субъектов коррупционного взаимодействия. Институционализация коррупции означает, что спонтанное коррупционное поведение сменяется регулярными действиями, совершаемыми в соответствии с определенными правилами. Институциональная коррупция превращает ее в структурированную и самовоспроизводящуюся социальную систему. Свидетельства подобного преобразования следующие: 1. Институциональная коррупция включает определенный набор социальных ролей, например: взяткодатель и взяткополучатель. 2. Институциональная коррупция предполагает формирование стабильного набора норм «коррупционного по-

ведения». 3. Институциональная коррупция базируется на основе новых типов связей и организаций, закрепляющих коррупционные практики.

Поскольку институционализация коррупции есть процесс, он в обязательном порядке представляет собой смену этапов: зарождение, поиск форм, отбор наиболее эффективных и адекватных целям субъектов коррупционного взаимодействия и т.д. В результате отбора форм некоторые виды коррупционных практик отмерли, другие широко распространились и «вошли в культуру» российского общества. Специфика институциональной экспансии коррупции не только в том, что создаются специфические коррупционные организации, но и коррумпируются уже существующие или создаваемые для иных целей. Институциональной экспансии коррупции способствует «размножение» дублирующих друг друга организаций. Огромный аппарат каждой из подобных структур не может не создавать почву для произрастания коррупции.

Глава VI. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ КОРРУПЦИИ

Проведенное исследование системных основ коррупции позволяет сформулировать следующие направления борьбы с этим социальным явлением: осуществление институциональных трансформаций общества, направленных на устранение причин коррупционного поведения; развитие институциональных механизмов социальной регуляции и социального контроля; развитие системы внутриинституционального контроля бюрократических систем и совершенствование уровня правовой культуры населения.

6.1. Развитие механизмов социальной регуляции и социального контроля.

В общественно-политической и научной дискуссии о системе антикоррупционных мероприятий наибольшее место занимают вопросы ужесточения наказаний за коррупционные практики и создание различных комиссий, организаций и комитетов по противодействию коррупции. Однако опыт показывает, что акцент на уголовно-репрессивных мерах не только не способствует профилактике и эффективному противодействию коррупции, но и создает опасность ее закрепления на почве солидарностей архаического типа. Тем не менее, безнаказанность коррупции дает основу для ее институциональной экспансии. Поэтому, конструируя систему наказаний в отношении коррупции как неправового деяния, законодатель должен учитывать, что наказание – это весьма сложное социально-правовое

понятие. Его следует рассматривать как синтез трех определений: как правовую абстракцию, как меру индивидуального принуждения и как массовый управленческий процесс. Центр тяжести в системе наказаний перемещается с кары и возмездия на предотвращение преступлений, актуализируя профилактическую роль наказания. Идеальное наказание должно удерживать потенциального преступника от совершения преступления, а будучи все же применено – удерживать от повторения преступных деяний в будущем.

В совокупности наказаний коррупционера не всегда главную роль играет угроза тюремного заключения. Системность коррупции часто проявляется в том, что коррупционные механизмы выступают защитой коррупционера от судебного преследования и помогают избежать уголовной репрессии. Но в этой ситуации могут сработать совершенно неожиданные средства. Например, российские неправительственные организации стали привлекать общественное мнение Запада и внимание правительства в западных странах к тем должностным лицам российского государства, которые замечены в коррупционных действиях. В системе наказаний важна значимость выбранной санкции для коррумпированного субъекта, и поскольку российская элита прибегает к коррупционным практикам, в том числе в надежде сравняться по статусам, ресурсному обеспечению и на равных войти в международное сообщество, то данный тип действия общественных организаций может оказаться продуктивным.

Взаимодействие с международными организациями и зарубежными странами в борьбе с коррупцией потребует от России изменения и доработки антикоррупционного законодательства. В связи с ратификацией международных документов о коррупции в Уголовном кодексе России должны появиться статьи, в которых такие коррупционные проявления как лоббизм, протекционизм, фаворитизм, nepотизм, взносы на политические цели, обучение детей государственных чиновников за счет частных спонсоров, «незаконное обогащение» (т.е. невозможность разумного обоснования значительного превышения активов над легальными доходами) и другие будут оценены как состав преступления.

Исходя из системно-деятельностного подхода, борьбу с коррупцией не следует связывать исключительно с практикой должностных лиц или работой антикоррупционных комиссий и организаций. Подобные организации, безусловно, необходимы, поскольку способны активизировать, направлять и координировать определенную динамику социальной деятельности. Но ограничение анти-

коррупционной политики только организационно-правовыми вопросами приносит незначительные результаты и лишь в известной мере способно сдерживать распространение этого вируса. Не способно кардинально решить вопрос даже наделение организационных структур дополнительными антикоррупционными полномочиями, ведь внешний контроль, осуществляемый путем санкций, не является единственной формой социального контроля.

Решение вопроса предупреждения и противодействия развитию столь сложной проблемы должно конструироваться системно. Антикоррупционная политика должна включаться как элемент в систему более высокого уровня. Формирование механизмов институционального контроля требует проведения институциональной реформы власти, поскольку цель контроля заключается не только в том, чтобы «схватить за руку» чиновника в момент получения им взятки, но и в корректировке принципов государственного управления, воссоздании системы целесообразного государственного управления. Только таким образом могут быть ликвидированы основные организационно-управленческие причины коррупции. Для этого должна быть проведена четкая и последовательная административная реформа, включающая избавление государственных служащих от избыточных функций, организацию оптимального соотношения финансово-распорядительных функций и контрольных полномочий, формирование прозрачных механизмов кадровой ротации государственных служащих, формирование системы обратной связи власти с гражданами, формирование системы обязательного законного реагирования правоохранительных органов на коррупционные факты, максимальное разграничение деятельности госаппарата и бизнеса.

Институциональные преобразования функционирования государственной власти, безусловно, будут способствовать повышению эффективности деятельности государственных органов и противодействовать коррупции. А вот ценностно-мотивационную предрасположенность россиян к коррупционным практикам способно подвергнуть трансформации формирование развитой правовой культуры российского населения.

6.2. Совершенствование уровня правовой культуры населения. Право, наряду с другими социальными регуляторами, представляет собой направленное воздействие на поведение индивидов. Норма права не только является квинтэссенцией должного и общеобязательного поведения, но и отражает представления о социально необходимом состоянии общества. В отличие от других регулятивных

систем и методов право предполагает способность человека понимать смысл должного, формулировать альтернативы, сознательно принимать на себя обязательства и добровольно следовать норме должного. Эта способность свидетельствует о довольно высоком уровне развития самосознания человека и цивилизованного состояния социума. Правовое пространство общества включает в своем составе правовую культуру – мир правовых идей, символически-знаковых форм. Более того, зависимость права от способности понимать, выбирать и принимать правовые нормы конституирует бытие права, прежде всего, как правовой культуры.

Низкий уровень правосознания и правовой культуры всего населения формирует общий деструктивный фон для развития коррупции и экспансии коррупционных практик: во-первых, формируется своего рода социальный заказ населения на правовую деформацию сознания государственных служащих, с другой стороны, искаженные правовые установки, правовой нигилизм государственных служащих усугубляют деформации правового сознания и правового поведения населения. Модернизационные процессы, протекающие в современном российском обществе, не в состоянии решить проблему правовой культуры в автоматическом режиме. Успех неправовых практик и провал правовых методов ведет к деформациям правового сознания и в первую очередь правовому нигилизму, правовому релятивизму и правовому инфантилизму и т.д. Опасная деформация профессионального правового сознания заключается в культивировании правовой закрытости и правового волюнтаризма социальной группы государственных служащих.

Формирование правовой культуры следует начать с определения ориентиров, способных выступить императивами, организующими личностное и социально-групповое действие. Таковыми должны выступать: духовное достоинство личности, способность к самообязыванию и самоуправлению, взаимное уважение и доверие людей друг к другу. Концепт автономии личности как условия права определяет такое направление развития и совершенствования правовой культуры как становление правовой личности.

Развитие законодательства – необходимое, но не достаточное условие совершенствования правовой культуры. Другим условием является готовность и умение пользоваться предоставленными правами. Это предполагает обучение личности, социальной группы, нации, гражданского общества пользованию

своими правами. Правовой нигилизм и другие деформации правосознания не являются исключительно следствием правовой безграмотности, правового невежества. Но преодоление этих состояний правовой культуры требует широкой образовательной деятельности государства, общественных организаций, отдельных личностей.

6.3. Государственные программы внутриинституционального контроля в бюрократических системах. Необходимость административной реформы в целях создания системы внутриинституционального контроля и противодействия коррупции доказывается на материале исторических сопоставлений коррупционности бюрократических систем. Сталинская модель борьбы с коррупцией опиралась на тотальный государственный контроль за поведением государственных служащих, конструируя, таким образом, институциональную модель внутривнутрибюрократического контроля и иерархической ответственности. Правовой иммунитет номенклатуры в хрущевско-брежневский период утверждал внутриноменклатурный контроль и выборочную ответственность нелояльных по отношению к начальству. Разрушение системы управленческих взаимодействий в реформационные периоды, деформации процедуры принятия государственных решений, отмена старого законодательства при отсутствии нового ведут к формированию безответственности внутри бюрократической системы. Правовой и ценностный вакуумы минимизируют риск и трансформируют моральное отношение к коррупции. Этим объясняется развитие и экспансия коррупции в 90-е годы XX века. В настоящее время должна быть поставлена задача перехода от либерально-попустительской модели борьбы с коррупцией к системе социального противодействия, включающей программы внутриинституционального государственного контроля осуществления власти и реализации административных полномочий. Поэтому цель современной административной реформы – осуществить переход от косных, бюрократических способов правления и традиций чиновничьего произвола к современным методам государственного управления, сочетающих минимальное вмешательство в жизнь граждан и всемерную защиту их интересов на основе концепции «нового государственного менеджмента», коренящегося в идеях конкурентности институтов, развитии новых форм государственного и административного управления, внедрении принципов эффективности и производительности в оценку деятельности государственных органов.

Технический, инструментальный аспект административной реформы предполагает создание четких регламентов взаимодействия государства и потребителей его услуг. Препятствием выступает такая особенность российской политической системы как властечентризм и дистанционность власти. Реально Россия управляется персонифицированной авторитарной властью, поэтому модель внутриинституционального контроля бюрократических систем реализуется, в первую очередь, в сторону усиления властной вертикали, которая должна быть дополнена механизмами информационной прозрачности государственного управления и развития этических компонентов поведения государственных служащих.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного анализа, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией:

1. Алексеев С.В. Социология права: базовые подходы// Философия права. - 2006. - № 3. - С. 52-56 (0,75 п.л.).
2. Алексеев С.В. Социальные корни коррупции// Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. - 2006. - № 10. - С. 27-30 (0,4 п.л.).
3. Алексеев С.В. Социальные основания коррупции: мотивационно-ценностный аспект// Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2007. - № 4. - С. 82-86 (0,56 п.л.).
4. Алексеев С.В. Психология коррупции и причины девиации. - Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2007. - № 5. - С. 139-143 (0,63 п.л.).
5. Алексеев С.В., Бондаренко О.В. Институциональная экспансия коррупции// Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2008. - № 1. - С. 126-129 (0,4/0,3 п.л.).
6. Алексеев С.В. Особенности формирования коррупционных связей// Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2008. - № 1. - С. 129-133 (0,4 п.л.).

7. Алексеев С.В. Социальная регуляция и социальный контроль коррупции// Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. - № 6. - С. 120-124 (0,52 п.л.).

Другие издания:

8. Алексеев С.В. Преступление и наказание в контексте социологии права. - Шахты: Изд-во «Полиграфист», 1999. – 22 с. (1,37 п.л.).
9. Алексеев С.В. Криминальная девиация: социальные причины и следствия. - Шахты: Изд-во «Полиграфист», 1999. – 21 с. (1,3 п.л.).
10. Алексеев С.В. Факторы социальной детерминации преступности. - Шахты: Изд-во «Полиграфист», 1999. – 21 с. (1,3 п.л.).
11. Алексеев С.В. Преступность переходного периода в России. (Социологические очерки). - Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 94 с. (5,8 п.л.).
12. Алексеев С.В. Социальная обусловленность современной преступности// Научная мысль Кавказа. Приложение. - 2006. - № 4. - С. 183-188 (0,38 п.л.).
13. Алексеев С.В. Социальная маргинализация – преступность – общественный конфликт// Юрист-Правовед. - 2006. - № 3. - С. 25-29 (0,8 п.л.).
14. Алексеев С.В. Бюрократия и коррупционная деятельность. - Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – 39 с. (2,3 п.л.).
15. Алексеев С.В. Социальная феноменология коррупции. - Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – 40 с. (2,7 п.л.).
16. Алексеев С.В. Социальная сеть коррупции. - Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – 45 с. (2,6 п.л.).
17. Алексеев С.В. Теоретические подходы к изучению проблем преступности // Социальная структура и социальные процессы в современном обществе: сб. науч. тр. Вып. 1/ под науч. ред. проф. В.А. Чуланова; Шахт. ин-т (филиал) Юж.-Рос. гос. техн. ун-та (НПИ). – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2007. - С. 24-31 (0,44 п.л.).
18. Алексеев С.В. Социальные маргиналы и преступность// Социальная структура и социальные процессы в современном обществе: сб. науч. тр. Вып. 2/ Шахт. ин-т (филиал) Юж.-Рос. гос. техн. ун-та (НПИ). – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2007. - С. 173-179 (0,38 п.л.).

19. Алексеев С.В., Чуланов В.А. Зарождение отечественной социологии коррупции// Социальная структура и социальные процессы в современном обществе: сб. науч. тр. Вып. 3/ Шахт. ин-т (филиал) Юж.-Рос. гос. техн. ун-та (НПИ). – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2008. - С. 4-8 (0,35/0,2 п.л.).
20. Алексеев С.В. Особенности формирования национальной системы коррупции. - Ростов н/Д.: Логос, 2007. – 24 с. (1,5 п.л.).
21. Алексеев С.В. Коррупция в системе преступности. - Ростов н/Д.: Логос, 2007. – 28 с. (1,75 п.л.).
22. Алексеев С.В. Коррупция: за пределами преступления. – Ростов н/Д.: Логос, 2007. – 168 с. (10,5 п.л.).
23. Алексеев С.В. Коррупция: социологический анализ. - Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2008. – 270 с. (15,9 п.л.).
24. Алексеев С.В., Бондаренко О.В. Условия социальной легитимации коррупции // Социология и общество: пути взаимодействия / Материалы III Всероссийского социологического конгресса; 21-24 октября 2008 г. – Москва, 2008. – 3 с. (0,2/0,1 п.л.).

ИД №06457 от 19.12.01 г. Издательство ЮРГУЭС

Подписано в печать 23.12.2008 г.

Формат бумаги 60х84/16. Усл. п.л. 2,5.

Тираж 100 экз. Заказ № 557.

ПЛД №65-175 от 05.11.99 г.

Типография Издательства ЮРГУЭС

346500, г. Шахты, Ростовская обл., ул. Шевченко, 147

10 -